

<https://hstryres.uz/journal/index.php/makro>

2025, № 4 (10)

ISSN-3030-3761

ТАРИХИЙ ТАДҚИҚОТЛАР
Илмий журнали

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Научный журнал

HISTORICAL RESEARCHES
Scientific journal

ТОШКЕНТ-2025

ТАРИХИЙ ТАДҚИҚОТЛАР
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
HISTORICAL RESEARCHES

Бош муҳаррир:
Главный редактор:
Chief Editor:

Юнусова Хуршида Эркиновна
тарих фанлари доктори, профессор
Ўзбекистон Миллий университети

Бош муҳаррир ўринбосори:
Заместитель главного редактора:
Deputy Chief editor:

Шакиров Ильяс Рахимзянович
т.ф.ф.д., (PhD)
Ўзбекистон Миллий университети

ТАҲРИР ҲАЙЪАТИ
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
EDITORIAL BOARD

Сагдуллаев Анатолий Сагдуллаевич
тарих фанлари доктори, профессор, Академик
Ўзбекистон Миллий университети
Сулейманов Рустам Хамидович
тарих фанлари доктори, профессор
Ўзбекистон Миллий университети
Муминов Алишер Гаффарович
Сиёсий фанлари доктори, профессор
Ўзбекистон Миллий университети
Зуев Андрей Сергеевич
тарих фанлари доктори, профессор
Новосибирск Давлат университети
Ишанхужаева Замира Райимовна
тарих фанлари доктори, профессор
Ўзбекистон Миллий университети
Кобзева Ольга Петровна
тарих фанлари доктори, профессор
Ўзбекистон Миллий университети
Холиқулов Ахмад Баймаҳаматович
тарих фанлари доктори, профессор
Ўзбекистон Миллий университети
Габриэльян Софья Ивановна
тарих фанлари доктори, доцент
Ўзбекистон Миллий университети
Убайдуллаева Барно Машрабжоновна
тарих фанлари доктори, доцент
Ўзбекистон Миллий университети
Очилдиев Файзулла Бобокулович
тарих фанлари доктори, профессор
Ўзбекистон Миллий университети
Саидбобоев Зокиржон Абдукаримович
тарих фанлари номзоди, профессор
Ўзбекистон Миллий университети
Азизов Илдар Рафаэлович
тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD)
Бизнес ва тадбиркорлик олий мактаби

Сиддиқов Равшан Бердимуратович
тарих фанлари номзоди, доцент
Ўзбекистон Миллий университети
Тухтабеков Козимбек Азимбекович
тарих фанлари номзоди, доцент
Ўзбекистон Миллий университети
Бабабеков Акбар Давурбаевич
тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD)
Ўзбекистон Миллий университети
Баҳранов Шерзод Таштурсунович
тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD)
Жамоат ҳафсизлиги университети
Али Назарова Дилдора Валишеровна
тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD), доцент
Ўзбекистон Миллий университети
Холиқулова Шахноза Боймуҳамматовна
тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD), доцент
Навоий Давлат педагогика институти
Нормуродов Дилмурод Раҳматуллаевич
тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD), доцент
Ўзбекистон Миллий университети
Абдулаева Нигора Санжаровна
тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD), доцент
Ўзбекистон Давлат Жаҳон тиллари университети
Тоғаев Жасур Эркинович
тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD), доцент
Ўзбекистон Миллий университети
Усаров Умид Абдумавлянович
тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD), доцент
Ўзбекистон Миллий университети
Эгамбердиева Гузаль Акрамжоновна
тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD)
Ўзбекистон Миллий университети
Эшқувватов Бобир Валикул ўғли
тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD)
Ўзбекистон Миллий университети

Контакт редакции журнала
Город Ташкент, улица Мирзо Голиба,
Исторический факультет
Национального Университета
Узбекистана имени Мирзо Улугбека
Web: <https://hstryres.uz/journal/>
E-mail: I.Shakirov91@mail.ru
Тел: +998900382203

Contact Editors of journal
Tashkent city, street of Mirzo Golib,
Faculty of history of the National
university of Uzbekistan named after
Mirzo Ulugbek
Web: <https://hstryres.uz/journal/>
E-mail: I.Shakirov91@mail.ru
Phone: +998900382203

МУНДАРИЖА / СОДЕРЖАНИЕ / CONTENT

1. Акрамова Фазилат Артикбаевна ПРОМЫШЛЕННЫЕ КАДРЫ В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: СТАНОВЛЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ	7
2. Karimjonov Jasurbek Muxtorjonovich O‘ZBEKISTONDA TARIXIY SHAXSLAR NOMIDAGI MUKOFOTLAR TA‘SIS ETILISHI: TAQDIRLASH JARAYONLARI	16
3. Кобзева Ольга Петровна АКАДЕМИК Э. В. РТВЕЛАДЗЕ - ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ НАУКЕ	25
4. Ктайбеков Саламат Маманович ВОЗРОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ И НОВЫЙ ЭТАП ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ УЗБЕКИСТАНА И ЯПОНИИ	34
5. Mamatqulov Bekzod Sherozovich O‘ZBEKISTON JANUBIY VILOYATLARIDA SANOAT TARMOQLARINING RIVOJLANISHI: TARIXIY TAJRIBA VA NATIJALAR (1925-1991 YILLAR)	45
6. Маматова Махфуза Бахриддиновна ТОРГОВЛЯ ИНДИЙСКИХ ЧАЕВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА)	54
7. Mirzayev Komiljon Mamirjonovich O‘RTA OSIYO ARXEOLOGIYASI KAFEDRASINING PAYDO BO‘LISHI ZARURIYATLARI	61
8. Мусаев Нуриддин Умирзакович РОССИЯ ҲУКМРОНЛИГИ ДАВРИДА ТУРКИСТОНДА ПАХТАЧИЛИККА ЭЪТИБОРНИНГ КУЧАЙТИРИЛИШИ	69
9. Муминов Алишер Гаффарович., Эрназаров Шермухаммед Эшбекович ИККИНЧИ ЖАҲОН УРУШИ ЙИЛЛАРИ ЎЗБЕКИСТОНДА ТАРИХЧИЛАРНИНГ ФАОЛИЯТИ	83
10. Muxamedov Yoqubjon Qodirovich G‘ARBIY TURK XOQONLIGI VA ERON SOSONIYLARI O‘RTASIDAGI DIPLOMATIK MUNOSABATLAR	91
11. Нарбеков Абдикамил Вафаевич НАСЕЛЕНИЕ УЗБЕКИСТАНА В ПЕРИОД НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ	102
12. Назаров Хумоюн Алишерович., Одилова Нилюфар Зоиржон кизи РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ В СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ КУШАН	116

13. Normurodov Dilmurod Rashidovich IX–XII-ASRLARDAGI TOSHKENT VOHASI (SHOSH-ILOQ)NING SHISHASOZLIGI	132
14. Olimjonov Xabibjon Abduxalim o‘g‘li TURKISTON ASSRDA KUTUBXONA ISHINI TASHKIL ETISH BORASIDAGI CHORA-TADBIRLAR	147
15. Ochildiyev Fayzulla Bobokulovich O‘RTA OSIYO TEMIR YO‘LINING BUXORO AMIRLIGIGA KIRIB KELISHI VA TEMIR YO‘L BEKATLARINING FAOLIYATI	155
16. Rahmonqulova Zumrad Boyhurozovna O‘RTA OSIYO XONLIKLARI VA USMONIYLAR DAVLATI O‘RTASIDAGI IQTISODIY ALOQALAR TARIXIDAN	168
17. Сагдуллаев Анатолий Сагдуллаевич ВКЛАД ВЫПУСКНИКОВ КАФЕДРЫ АРХЕОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	178
18. Саипова Камола Давляталиевна УПРАВЛЕНИЕ В ТУРКЕСТАНСКОЙ АСС В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ	184
19. Сиддиков Равшан Бердимуратович ЎЗБЕКИСТОН ОЛИЙ ТАЪЛИМ ТИЗИМИДАГИ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАРАЁНЛАРИ: ЮТУҚЛАР ВА МУАММОЛАР	189
20. Tog‘ayev Jasur Erkinovich QADIMGI DAVR ME‘MORCHILIGI TARIXIY REKONSTRUKSIYASIGA DOIR (JANUBIY O‘ZBEKISTON MISOLIDA)	206
21. Тўхтабоева Дилафрўз Эргашевна ЖАҲОН ШАҲАРЛАРИНИНГ ЗАМОНАВИЙ КЎРИНИШИ	214
22. Ubaydullayev Ikromjon Farxod o‘g‘li O‘ZBEKISTON HUDUDIDAGI ANTIK DAVLATLARNING TARIXIY UZVIYLIGI VA RIVOJLANISH JARAYONLARI	219
23. Usarov Umidjon Abdimavlyanovich XIX ASRNING 60–70-YILLARIDA ROSSIYA IMPERIYASINING TURKISTON O‘LKASIDAGI YER EGALIGI VA MULKCHILIK MUNOSABATLARIGA OID SIYOSATI (Rasmiy amaldorlari va ishchi kommissiya vakillarining faoliyati misolida)	232
24. Холикулова Шахноза Баймахаматовна ЎЗБЕКИСТОННИНГ ИЛК КИМЁ КОРХОНАСИ ТАРИХИ	242
25. Холикулов Ахмад Баймахаматович ВОҲАСИ БЕКЛИКЛАРИНИНГ БУХОРО АМИРЛИГИ СИЁСИЙ ТАРИХИДА ТУТГАН ЎРНИ (XIX АСР ИККИНЧИ ЯРМИ – XX АСРНИНГ БОШЛАРИ)	252

26. Худойкуов Урал Каримович ЖАҲОН ОЗИҚ- ОВҚАТ ХАВФСИЗЛИГИНИНГ УСТУВОРЛИГИ ВА РИМ ДЕКЛАРАЦИЯСИ	260
27. Юнусова Хуршида Эркиновна ЎЗБЕКИСТОН ССР ХАЛҚ ХЎЖАЛИГИ ҲОЛАТИ ВА МУАММОЛАРИ (XX АСР 70-80 ЙИЛЛАРИ МИСОЛИДА)	268

Назаров Х. А.

PhD., старший преподаватель кафедры «Археология и этнология»
Национальный университет Узбекистана
humoyunjon1992@gmail.com

Одилова Н. З.

студентка 2-курса Исторического факультета
Национальный университет Узбекистана
Nilufar_Odilova@gmail.com

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ В СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ КУШАН

АННОТАЦИЯ

Настоящее исследование посвящено анализу религиозных традиций и культов, существовавших в Северной Бактрии в период правления Кушанского царства, а также их влиянию на культурное и политическое развитие региона. Особое внимание уделяется пантеону высших божеств Кушанской державы, изучение которого осложняется сложной религиозной картиной эпохи, отмеченной сосуществованием и взаимным влиянием зороастризма, буддизма, индуизма, эллинистических культов и автохтонных верований.

Ключевые слова: Северная Бактрия, Кушанское царство, религиозные верования, зороастризм, буддизм, индуизм, религиозный синкретизм, сакральное искусство, археология, эпиграфика.

ВВЕДЕНИЕ

История Кушанской империи представляет собой один из важнейших сюжетов древней истории Евразии, поскольку именно в ее границах произошло формирование уникальной культурно-идеологической модели, основанной на синтезе различных религиозных и философских традиций. Будучи могущественным государственным образованием, охватывавшим территории Центральной Азии, Северной Индии и Восточного Ирана, Кушанская держава стала ареной активных процессов межкультурного взаимодействия, что привело к формированию сложной и многослойной религиозной системы. В условиях политической консолидации и расширения имперских границ кушанские правители стремились создать универсальную идеологическую платформу, способствующую укреплению их легитимности. Одним из ключевых механизмов такой легитимации стало сочетание

зороастрийских, буддийских, индуистских и эллинистических культов, адаптированных к региональному контексту.

Изучение религиозного ландшафта Кушанской империи требует привлечения широкого спектра источников, включая письменные свидетельства, археологические находки, нумизматические материалы и эпиграфические памятники. Важную роль в анализе сакральных практик играют изображения божеств на монетах, культовая архитектура, скульптурные композиции, терракотовые фигурки и настенная живопись, отражающие процессы религиозного синкретизма. Особое внимание заслуживает влияние эллинистических традиций, унаследованных от греко-бактрийских и индо-греческих царств, а также их взаимодействие с местными культами, что способствовало развитию уникальной системы божественной власти в Кушанской империи.

Данное исследование ставит своей целью выявление механизмов религиозной адаптации и трансформации культов в условиях политической и культурной интеграции региона. Методологическая основа работы строится на сравнительно-историческом анализе религиозных систем античного и раннесредневекового Востока, а также на изучении материальных источников, фиксирующих религиозные практики данного периода. Кроме того, особое внимание уделяется влиянию религии на государственную идеологию, что позволяет проследить, каким образом сакральные представления использовались для укрепления власти правителей и формирования имперской идентичности.

Актуальность темы определяется растущим научным интересом к проблеме религиозного синкретизма в древних обществах, а также значением Кушанской империи в глобальном контексте истории религий. В последние десятилетия археологические открытия в Узбекистане, Афганистане, Пакистане и Индии существенно расширили корпус источников, что открывает новые перспективы для исследования религиозной политики кушанских царей. Настоящая работа не только обобщает существующие научные данные, но и предлагает их переосмысление с учетом современных методологических подходов в исторической науке и археологии.

В настоящем исследовании применяется междисциплинарный подход, сочетающий лингвистический и историко-культурный анализ, системно-структурный и сравнительно-исторический методы, а также диалектический синтез различных источников. Данный комплексный методологический инструментарий позволяет провести более точную реконструкцию религиозных и идеологических процессов в Кушанской империи, сопоставляя их с общими сакральными традициями древнего мира.

Неотъемлемой частью исследования является критический историографический анализ. Особое внимание уделяется работам ведущих исследователей, внесших значительный вклад в изучение кушанской цивилизации, среди которых можно выделить Е.В.Ртвеладзе, Х.Людерса, Г.А.Пугаченкову, Х.Харматта, А.Каннингема, Г.Гноли, И.М.Стеблин-Каменского, Р.Гёбля, Б.А.Литвинского, В.А.Седова, Ф.Грене, Д.Ильясова, Т.Мкртчьева и других. Их труды охватывают широкий спектр вопросов, связанных с политическими, религиозными и культурными аспектами Кушанского государства, что позволяет выстроить концептуальную основу для дальнейших научных дискуссий.

Интеграция археологических, нумизматических и эпиграфических источников с критическим анализом историографии дает возможность более детального изучения эволюции религиозных традиций кушанского периода. Такой подход позволяет выявить ключевые закономерности в развитии духовной сферы, провести систематическое исследование религиозного синкретизма и проанализировать взаимодействие местных и трансрегиональных культов. В конечном итоге это способствует более глубокому пониманию идеологического ландшафта кушанского мира и его исторического значения для Центральной Азии.

Следует отметить, что современные исследования Кушанской империи все чаще используют достижения цифровых гуманитарных наук, включая геоинформационные системы (GIS), статистический анализ эпиграфических источников и 3D-моделирование археологических памятников. Эти методологические нововведения повышают точность датировки артефактов, выявляют ранее не замеченные связи между культурными центрами и позволяют глубже исследовать динамику религиозных трансформаций. В этом контексте актуальность настоящего исследования заключается не только в систематизации накопленных знаний, но и в пересмотре устоявшихся теорий с учетом новейших научных открытий.

Таким образом, применение широкого спектра методов и источников способствует многоуровневому анализу религиозных и идеологических процессов кушанского периода, позволяя более полно осмыслить духовную культуру данной эпохи и ее влияние на историческое развитие Центральной Азии.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование показало, что религиозные верования играли ключевую роль в социальной и духовной жизни Северной Бактрии, выступая не только основой мировоззрения общества, но и важным механизмом политической и

культурной интеграции в условиях многоэтнического состава населения. Одним из центральных элементов религиозных практик региона было почитание духов предков, корни которого восходят к традициям юэчжей, мигрировавших в Бактрию. Со временем этот культ приобрел особое значение среди правящей элиты, сформировав идеологическую основу династийного культа ранних кушанских правителей. Это находит подтверждение в нумизматических и археологических материалах, включая изображения всадников на монетах Герая и Сотера Мегаса, а также терракотовые статуэтки, найденные на территории Бактрии.

Данный феномен демонстрирует сходство с религиозно-политическими традициями других цивилизаций Евразии. В Китае культ предков служил основой доктрины «Небесного мандата», легитимирующей власть правителя, тогда как в иранской культуре зороастрийские представления о сакральности царской власти подчеркивали преемственность династии. В кушанском государстве институционализация культа предков выполняла схожую функцию, способствуя укреплению легитимности правителей через идеи политической и духовной преемственности [1].

Важным фактором культурных и религиозных трансформаций в Северной Бактрии стало распространение буддизма, который при поддержке кушанских правителей превратился в доминирующую религиозную традицию региона. Буддийские монастыри, ступы и храмы не только служили центрами религиозной жизни, но и выполняли функции культурных и экономических узлов, играя значительную роль в трансрегиональной торговле и интеллектуальном обмене. Буддийская традиция развивалась в условиях религиозного синкретизма, характерного для Кушанской эпохи, что подтверждается данными нумизматики, эпиграфики и археологии [2].

Раскол буддийской общины после смерти Гаутамы Будды привёл к формированию двух основных направлений—хинаяны и махаяны. В то время как хинаяна ориентировалась на монашескую дисциплину и индивидуальное спасение через нирвану, махаяна сделала акцент на культе бодхисаттв и универсальности буддийского учения, что способствовало её широкому распространению в полиэтнической Кушанской державе. Согласно исследованиям Б. А. Литвинского, проникновение буддизма в Центральную Азию происходило уже на рубеже нашей эры благодаря стратегическому положению региона на маршрутах Великого шёлкового пути. Особую роль в процессе его институционализации сыграл император Канишка I, при котором буддизм получил государственную поддержку. Именно в этот период были построены крупнейшие религиозные центры, а также состоялся

Четвёртый буддийский собор, закрепивший доктринальные основы махаяны [3].

Инкорпорация буддийских элементов в систему власти и культовую практику Кушанской империи проявлялась в чеканке монет с буддийской символикой, покровительстве монастырям и поддержке философских школ. Археологические данные свидетельствуют о масштабном строительстве буддийских храмов и монастырских комплексов, в том числе в таких крупных центрах, как Тармита (современный Термез). В правление Канишки I Тармита стала важнейшим очагом буддийского образования, а расположенные здесь монастыри, такие как Фаязтепа и Каратепа, функционировали как научные и духовные центры, где велись переводы и интерпретация буддийских текстов [4].

Благодаря активному покровительству со стороны кушанских властей Северная Бактрия превратилась в один из крупнейших центров буддизма за пределами Индийского субконтинента. Буддийские учения из этого региона распространялись далее в Согдиану, Маргиану, Восточный Туркестан, Китай и Тибет, чему способствовала деятельность бактрийских монахов-проповедников. Исторические источники фиксируют значительное влияние буддийских учёных, таких как Дхармамитра из Тармиты и Гхошака из Тохаристана, сыгравших важную роль в переводе и адаптации священных текстов для китайской и тибетской культурных традиций [5].

Археологические исследования, особенно раскопки в районе Термеза с 1960-х годов, подтвердили значимость региона как буддийского центра. Среди наиболее ценных находок выделяется комплекс Каратепа, сочетающий наземные и пещерные монастырские сооружения, аналогичные индийским буддийским храмам. Это свидетельствует о тесных связях между Кушанской империей и буддийскими центрами Индии. Интересно, что в исламский период эти пещеры использовались как места для уединённой медитации, что указывает на преемственность аскетических практик различных религиозных традиций.

Таким образом, результаты исследования демонстрируют, что Кушанская империя сыграла ключевую роль в распространении буддизма в Центральной Азии, став важнейшим центром трансрегионального религиозного и культурного обмена. Северная Бактрия выступала не только местом развития буддийской доктрины, но и плацдармом для её дальнейшего проникновения в Восточную Азию, Китай и Тибет [6].

Археологические исследования северного сектора комплекса Каратепа подтвердили, что он включал ступы, монастырские постройки и жилые помещения для монахов, что свидетельствует о высоком уровне развития

буддийской общины в Термезе. Масштабы и сложность архитектурных сооружений указывают на статус города как значимого центра буддийского образования, паломничества и религиозной практики в Центральной Азии.

Материалы, обнаруженные в Каратепе и других буддийских памятниках Термеза, подтверждают роль Кушанской империи как ключевого посредника в распространении буддизма по Шёлковому пути. Благодаря покровительству кушанских правителей и усилиям бактрийских монахов буддизм приобрёл трансрегиональный характер, оказав влияние на религиозные и культурные традиции Центральной Азии, Китая и других регионов.

Экспансия буддизма в Кушанской империи оказала глубокое воздействие на религиозную, культурную и философскую жизнь региона. Активная поддержка буддийских традиций со стороны кушанских правителей способствовала становлению крупных духовных и образовательных центров, стимулировала развитие искусства, архитектуры и литературной культуры. Остатки древнего Термеза, превратившегося в один из ведущих буддийских центров Центральной Азии, отражают синтез местных традиций с буддийским учением, что подчёркивает динамический характер религиозно-культурного обмена в Кушанском государстве [7].

В кушанскую эпоху буддийская традиция претерпела значительные изменения, чему способствовала деятельность бактрийских монахов, сыгравших решающую роль в распространении и эволюции буддийской доктрины. Согласно китайским и тибетским источникам, среди наиболее влиятельных буддийских мыслителей этого периода были Дхармамитра из Тармиты (Термеза) и Гхошака из Тохаристана. Их философские труды, переводы и миссионерская деятельность способствовали укреплению позиций буддизма в Кушанском государстве и его распространению в Китай и Тибет [8].

Интеллектуальное и религиозное наследие кушанского периода вышло далеко за пределы империи. Бактрийские монахи, следуя маршрутами Шёлкового пути, переводили буддийские тексты, адаптировали доктрины к местным традициям и создавали монастырские сети, оказавшие долгосрочное влияние на религиозную картину Восточной и Центральной Азии. Таким образом, Кушанская империя сыграла роль стратегического посредника, превратив буддизм из локального индийского явления в мировую религиозную традицию.

Археологические раскопки, проводившиеся с 1960-х годов до начала XXI века на территории древнего Термеза, особенно в комплексе Каратепа, существенно расширили представления о буддийской архитектуре и монастырской организации региона. Эти исследования подтверждают, что

буддизм не просто проник в Бактрию, но получил широкое распространение, оставив значительное архитектурное и культурное наследие [9].

Комплекс Каратепа представляет собой группу искусственных холмов, условно разделённых на южный, северный и западный сектора, каждый из которых содержит следы различных религиозных сооружений. В южной части комплекса обнаружены высеченные в скале помещения, аналогичные традиционным индийским монастырским кельям (вихарам), что свидетельствует о сильном влиянии индийской буддийской архитектуры. Примечательно, что в средневековый период эти подземные камеры использовались мусульманскими аскетами как уединённые места для молитв, известные как "чиллахона" (медитационные уединения) [11].

В северном секторе археологи выявили многочисленные большие и малые ступы, окружённые колоннадами и дворовыми пространствами, соединёнными с монастырскими кельями. Данная архитектурная схема характерна для буддийских центров, сочетавших религиозные и образовательные функции. Обнаруженные здесь фрески, скульптуры Будды и бодхисаттв, а также многочисленные терракотовые фигурки подтверждают расцвет художественных традиций и активную религиозную жизнь буддийской общины Термеза.

Западный сектор комплекса Каратепа также включал ступы и храмовые комплексы, подтверждая его значимость как ключевого буддийского центра Кушанской империи. В этом районе были расположены жилые и хозяйственные помещения, необходимые для повседневной жизни монахов. Особую ценность представляют обнаруженные в ходе раскопок фрагменты рукописей, написанных древнеиндийскими письмами брахми и кхароштни, использовавшимися для записи буддийских сутр. Эти находки убедительно свидетельствуют о распространении буддийских литературных традиций в регионе [12].

Исследования Каратепа раскрывают не только архитектурное и культурное многообразие буддийского наследия Кушан, но и центральную роль Бактрии как центра буддийской мысли и религиозной науки. Эти данные позволяют глубже понять процессы религиозных и культурных взаимодействий, формировавших облик Центральной Азии в кушанскую эпоху, и демонстрируют её положение как связующего звена между индийскими, иранскими и центральноазиатскими традициями.

На северо-востоке буддийского храмового комплекса Каратепа, в районе, известном как Фаязтепа, археологами был обнаружен ещё один буддийский монастырь. Этот вихара-тип комплекс датируется концом I века до н.э. – III веком н.э. и включает храм, монастырские кельи и вспомогательные

постройки. Храмовое сооружение состоит из девятнадцати отдельных помещений с широкими сводчатыми потолками и глубокими нишами в стенах, что отражает сложность архитектурного проектирования буддийских монастырских центров [13].

Центральное место в храмовом комплексе занимал открытый двор, стены которого были украшены рельефными изображениями и колоннами. Одной из наиболее значимых находок стала скульптурная композиция, изображающая Будду, сидящего в позе медитации под священным деревом Бодхи в окружении двух монахов. В настоящее время этот артефакт хранится в Государственном музее истории Узбекистана и считается одним из ценнейших экспонатов буддийского наследия Центральной Азии.

Важным эпиграфическим открытием стало обнаружение надписи с термином «*Науа Виһара*» (буквально «монастырь для всадников»), что позволяет предположить, что монастырь также функционировал как место остановки для путешественников и торговых караванов, следовавших по Шёлковому пути. Такая многофункциональность буддийских монастырей хорошо задокументирована в исторических источниках и имеет аналогии с монастырскими комплексами Гандхары и Таримской впадины, где религиозные центры часто выполняли образовательные и логистические функции [14].

В период правления Кушан (I–III вв. н.э.) буддизм переживал значительное расширение в Бактрии, что подтверждается строительством крупных культовых центров, таких как Каратепа и Фаязтепа. Архитектурный стиль этих комплексов представляет собой синтез местных строительных традиций и канонического буддийского зодчества, сочетая наземные и высеченные в скале сооружения. Такая архитектурная интеграция свидетельствует о более широком процессе культурного обмена, осуществлявшегося под эгидой Кушанской империи, объединявшей художественные и религиозные традиции Индийского субконтинента, Ирана и эллинистического мира [15].

Кроме того, в окрестностях древнего Термеза были обнаружены буддийские ступы, среди которых выделяются ступа Зурмала и ступа Айртам. Ступа Зурмала, датируемая I–II вв. н.э., представляет собой цилиндрическую башню диаметром 14,5 м и высотой более 16 м, построенную из сырцового кирпича и изначально увенчанную почётным зонтом (чхатра), символизирующим духовное просветление. В ступе Айртам была найдена древнеиндийская надпись с упоминанием имени Шодия, который, по мнению Е. В. Ртвеладзе, мог быть губернатором кушанской административной провинции в Северной Бактрии, курировавшим строительные работы в Айртаме по приказу кушанского правителя Хувишки.

Присутствие школы Махасангхика, одной из влиятельных сект махаяны, было особенно заметным в Термезе и его окрестностях. Эта школа акцентировала почитание бодхисаттв и сыграла ключевую роль в распространении махаянского буддизма в регионе. Изображения юного принца Сиддхартхи Гаутамы и культовая практика поклонения ступам дополнительно подтверждают глубокое влияние махаянской философии на религиозную жизнь Бактрии в кушанский период.

Сходные архитектурные принципы прослеживаются и в других городах Северной Бактрии, таких как Дальверзинтепа и Зартепа, где буддийские храмы имели стандартизированную планировку, включавшую открытый двор и центральную ступу. В Дальверзинтепе были выявлены два буддийских храма: один внутри городских стен, а второй за их пределами. Вероятно, увеличение численности буддийского населения потребовало строительства дополнительного храма за пределами города для удовлетворения религиозных нужд растущей общины.

Таким образом, археологические исследования буддийских памятников термезского региона, включая Фаязтепу, Каратепа, Зурмалу и Айртам, демонстрируют широкую распространённость буддизма и его значительное влияние на архитектурный и культурный ландшафт Северной Бактрии в кушанскую эпоху. Эти объекты представляют собой важнейшие свидетельства религиозной и интеллектуальной жизни региона, позволяя реконструировать процессы распространения буддизма и межкультурного взаимодействия в Центральной Азии.

При этом буддийские храмы, обнаруженные в Дальверзинтепе и Зартепе, имеют ряд архитектурных особенностей, отличающих их от культовых комплексов Старого Термеза. В частности, культовые сооружения в этих городах представляют собой исключительно наземные здания, лишённые подземных пещерных помещений, характерных для некоторых буддийских комплексов региона, таких как Каратепа. Кроме того, в отличие от большинства буддийских монастырей, где часто встречаются многочисленные малые ступы, в этих комплексах обнаружена лишь одна главная ступа, что подчёркивает их отличительную архитектурную специфику.

Археологические исследования буддийского храма, расположенного в городской зоне Зартепы, датируют его строительство III–IV веками н.э. В этот период Северная Бактрия находилась под контролем Сасанидской империи, чья религиозная политика, вероятно, оказала влияние на архитектурный и культурный ландшафт региона. Сасаниды, исповедовавшие зороастризм, проявляли неоднозначное отношение к буддизму, что могло повлиять на

строительство и сохранение буддийских сооружений в их владениях. Сравнительный анализ с памятниками Гандхары и кушанской эпохи позволяет предположить, что спад строительства подземных монастырей в Северной Бактрии частично объясняется изменениями религиозного влияния и социально-политическими трансформациями в сасанидский период.

Ступы остаются неотъемлемым элементом буддийских храмовых комплексов, обладая глубоким символическим и космологическим значением. Термин «сту́па» происходит из санскрита и имеет множество интерпретаций, но чаще всего ассоциируется с изображением Вселенной. Первоначально ступы возводились в Северной Индии над реликвиями Гаутамы Будды и имели форму полусферического купола, символизируя паринирвану — окончательное освобождение Будды от круга перерождений.

В буддийских комплексах Северной Бактрии, таких как Каратепа и Фаязтепа, были обнаружены как крупные, так и малые ступы, что подчёркивает их ритуальную значимость. Одним из выдающихся памятников монументальной буддийской архитектуры в регионе является ступа Зурмала, расположенная рядом с древним Термезом. Несмотря на значительные разрушения, она остаётся впечатляющим свидетельством величия буддийских сооружений кушанской эпохи. Цилиндрическая башня Зурмалы, диаметром 14,5 м, первоначально возвышалась на 13 м над основанием и была построена из сырцового кирпича. В её изначальном виде ступа включала куполообразную надстройку, увенчанную церемониальным мачтовым сооружением, украшенным чхатрами — буддийским символом духовного превосходства и благородства.

Архитектурные и религиозные характеристики буддийских памятников Дальверзинтепы, Зартепы и Термеза отражают как местные традиции, так и более широкий трансрегиональный обмен буддийскими художественными и духовными практиками. Эти памятники представляют собой ключевые свидетельства развития буддизма в Центральной Азии и его адаптации к меняющимся историческим и политическим условиям.

Буддийские храмы Дальверзинтепы и Зартепы представляют собой уникальное пересечение архитектурных традиций и религиозных практик, характерных для Центральной Азии кушанского периода. В отличие от пещерных храмов Старого Термеза, эти культовые сооружения были возведены исключительно над землёй, без подземных помещений, что являлось отличительной чертой некоторых других буддийских комплексов региона. Данное различие указывает на локальную адаптацию буддийских архитектурных норм, возможно, под влиянием ранее существовавших иранских и центральноазиатских религиозных сооружений.

Сравнительный анализ буддийских памятников по всей Кушанской империи показывает, что наличие единственной главной ступы (как в Дальверзинтепе и Зартепе) контрастирует с более сложными планировками других буддийских центров, таких как Каратепа и Фаязтепа, где существовало множество ступ и монастырских комплексов. Отсутствие дополнительных малых ступ в этих местах может указывать на региональные вариации в ритуальных практиках или различия в уровне покровительства и численности монашеских общин. Кроме того, интеграция коридорно-обрамленных святилищ (целл), являющихся редкостью для индийской буддийской архитектуры, но характерных для иранских и центральноазиатских религиозных сооружений, свидетельствует о степени архитектурного синкретизма.

С исторической точки зрения, кушанские правители, особенно Канишка и Хувишка, сыграли решающую роль в распространении и институционализации буддизма, о чём свидетельствуют религиозные образы на их монетах. Изображения таких божеств, как Митра (солнечный бог), Мах (бог Луны), Вадо (бог ветра) и Атшо (бог огня), наряду с буддийской иконографией, подчёркивают синкретичный характер кушанской религиозной политики. Такое сочетание символов не только способствовало распространению буддизма, но и обеспечивало его совместимость с укоренившимися религиозными традициями региона.

Повторяющийся мотив огня в нумизматике Кушанов и наличие огневых алтарей (оташкада) в буддийском храме Зартепы дополнительно демонстрируют взаимодействие между зороастрийскими и буддийскими практиками. Огонь, являвшийся центральным элементом зороастрийского поклонения, по-видимому, был интегрирован в династический и ритуальный контекст кушанского буддизма. Подобные процессы наблюдались и в других регионах буддийского влияния, таких как Гандхара, где эллинистические элементы слились с буддийской иконографией, сформировав уникальную визуальную культуру.

Кроме того, присутствие божества Фарро в надписях буддийских памятников, таких как Фаязтепа и Дальверзинтепа, а также его изображение на кушанских монетах, свидетельствует о сохранении уважения к докушанским религиозным традициям. Ассоциация Фарро с процветанием, мудростью и божественным покровительством аналогична роли схожих божеств в зороастризме и индо-иранских традициях. Сравнение с ахеменидскими надписями, где аналогичное почитание уделялось богине Анахите, позволяет говорить о преемственности религиозных мотивов, преодолевавшей политические и династические перемены.

Таким образом, изучение буддийских храмов Дальверзинтепы и Зартепы предоставляет важные сведения о динамических процессах религиозной адаптации, культурного обмена и архитектурных инноваций в кушанской Бактрии. Хотя буддизм был доминирующей духовной силой в регионе, его проявления были далеко не монолитными, отражая сложное переплетение местных традиций и внешних влияний.

Археологические данные из Дальверзинтепы также указывают на наличие огневых алтарей (оташкада) в домах представителей разных социальных слоёв. Обнаружение буддийского храма в Каратепе дополнительно подчёркивает значимость огнепоклонничества в династическом культе кушанских правителей. Известно, что Великая Кушанская империя активно поддерживала поклонение огню как часть своей религиозной политики, интегрируя элементы зороастризма в государственную идеологию.

Зороастризм, сформировавшийся на основе священных традиций Авесты, на протяжении столетий оставался доминирующей религией народов Центральной Азии. Однако после завоевания Бактрии Александром Македонским и её подчинения греко-македонскому правлению влияние зороастрийских учений постепенно ослабло. Во времена Селевкидов и Греко-Бактрии правители греческого происхождения в основном почитали олимпийских богов, но доказательств их широкого распространения среди местного населения недостаточно. Напротив, зороастризм и местные культы продолжали оставаться важными элементами религиозной жизни, что, вероятно, способствовало последующей интеграции зороастрийских элементов в религиозную политику Кушанской династии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ имеющихся исторических и археологических данных однозначно демонстрирует, что религиозная жизнь в Северной Бактрии в кушанскую эпоху отличалась выдающимся плюрализмом и синкретизмом. Кушанская империя, благодаря своему стратегическому географическому положению на пересечении крупных торговых путей, включая Великий шелковый путь, превратилась в плавильный котёл различных религиозных традиций. Индийские духовные доктрины — шиваизм, вайшнавизм, джайнизм и особенно буддизм — получили широкое распространение в регионе, чему способствовали активные экономические связи и устойчивые культурные контакты с Индийским субконтинентом. Кроме того, многоэтнический и многоконфессиональный характер Кушанской империи способствовал сосуществованию различных верований, их взаимодействию и взаимному влиянию.

Однако религиозный ландшафт Центральной Азии в этот период был значительно сложнее, чем простое распространение индийских религиозных традиций. Наряду с проникновением индийских культов регион испытывал влияние эллинистических, восточно-иранских и местных бактрийских религиозных течений. Эллинистические божества, такие как Зевс, Геракл и Гелиос, оставшиеся от традиций Греко-Бактрийского царства, сохраняли определённое почитание среди некоторых групп населения. Кроме того, зороастризм, прочно укоренившийся в иранской культурной сфере, играл значительную роль в формировании духовного мировоззрения кушанских правителей. Это подтверждается присутствием зороастрийских символов, включая огневые алтари и божественные изображения, на кушанских монетах и царских надписях.

Ключевой особенностью кушанской религиозной политики стало избирательное покровительство определённым культам и божествам для легитимации имперской власти и консолидации разнородного населения. Правления таких монархов, как Канишка и Хувишка, ярко демонстрируют этот подход: на их монетах и официальных изображениях представлен пантеон, включающий зороастрийских (Митра, Фарро, Атшо), буддийских и индуистских богов. Однако эта религиозная инклюзивность была не просто отражением личных убеждений правителей, а продуманной политической стратегией, направленной на укрепление империи и привлечение поддержки широких этноконфессиональных групп.

Особенно важной составляющей кушанской политики стало покровительство буддизму, который достиг своего расцвета под эгидой империи. Строительство монументальных ступ, вихар и монастырей, а также распространение махаянского буддизма подчёркивают масштабы и значимость кушанской поддержки буддийских институтов. Передача буддийских учений за пределы Индийского субконтинента, в Центральную Азию и Китай, во многом стала возможной благодаря роли Кушанов как культурных посредников.

Таким образом, религиозная среда Северной Бактрии в кушанский период не была пассивным объектом внешних влияний, а, напротив, активно участвовала в процессах религиозного синкретизма. Сосуществование и взаимодействие индийских, эллинистических, зороастрийских и местных культов привело к формированию уникального духовного и культурного синтеза, что сделало кушанскую эпоху определяющим этапом в религиозной истории Центральной Азии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пугаченкова Г.А. Об одной группе терракотовых статуэток Тохаристана // Новое в Советской археологии. – М., 1965. – Р.148.
2. Мкртычев Т.К. Буддийское искусство Средней Азии. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2002. – Р. 12–13.
3. Воробьева-Десятовская М.И. О терминах «Хинаяна» и «Махаяна» в ранней буддийской литературе // Буддизм История и Культура. – М.: Наука, 1989. – Р. 74–83.
4. Очилдиев А., Раҳимжонов Д. Диншунослик асослари. – Tashkent: ТИУ, – Р. 154–156.
5. Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепе. – М.: Искусство, 1971. – Р. 112.
6. Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. – М.: ИВЛ, 1998. – Р. 156-157.
7. Мкртычев Т.К. Буддизм в Термезе // Термез древний и новый город на перекрестке великих дорог. – Tashkent: Sharq, 2001. – Р. 27–56.
8. Пидаев Ш.Р. Қадимги Ўзбекистонда буддавийлик ва буддавий мерос. – Tashkent: O‘zbekiston, 2011. – Р. 18.
9. Аннаев Дж., Аннаев Т. Архитектурно-планировочная структура и датировка буддийского монастыря Фаязтепа // Традиции Востока и запада в античной культуре Средней Азии. – Tashkent: Noshirlik yog‘dusi, 2010. – Р. 53–54.
10. Пидаев Ш.Р. Тармита-Термез до 1221 г: генезис и эволюция города // Термез древний и новый город на перекрестке великих дорог. – Tashkent: Sharq, 2001. – Р. 14–15.
11. Ртвеладзе Э.В. Термиз ва унинг Ўрта Осиёдаги ахамияти // Termez – An Ancient and Modern City at the Crossroads of Great Routes. – Tashkent: Sharq, 2001. – Р. 10.
12. Зеймаль Т.И. Раскопки на северной вершине Кара-тепе (1985–1989) // Буддийские комплексы Кара-тепе в Старом Термезе. – М.: ИВЛ, 1996. – Р. 144.
13. Uzbekistan. Kushan Dynasty and Buddhism. – Seoul. National Research Institute of Cultural Heritage, 2013. – Р. 219.
14. Тургунов Б.А., Лившиц В.А., Ртвеладзе Э.В. Открытие бактрийской монументальной надписи в Айртаме // ОНУ. 1981. – № 6.
15. Nazarov Kh. Religious views of the Kushan period of northwestern Bactria // Society and innovations Special Issue – 02 (2022) / ISSN 2181-1415. P. 299-308.

16. Nazarov Kh. From the history of ancient cities of Northern Bactria of the Kushan period // EPRA International Journal of Multidisciplinary Research (IJMR), Volume: 6 | Issue: 10 | 2020 P. 413-416.

17. Nazarov Kh. History and main problems of archaeological investigations of Northern Bactria of the Kushan period // TAS International Scientific Journal Theoretical & Applied Science p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online) Year: 2020 Issue: 12 Published: 15.12.2020 Volume: 92 h P. 183-186.

18. Nazarov Kh. The Great Silk Road Monuments of Northwest Bactria Kushan Period // The American Journal of Social Science and Education Innovations (ISSN – 2689-100x) Published: December 30, 2021 | Pages: 157-160.

Назаров Х. А.

«Археология ва этнология» кафедраси катта ўқитувчиси., PhD

Ўзбекистон Миллий Университети

humoyunjon1992@gmail.com

Одилова Н. З.

Тарих факултети 2 босқич талабаси

Ўзбекистон Миллий Университети

Nilufar_Odilova@gmail.com

КУШОНЛАР ҲУКМРОНЛИГИ ДАВРИДА ШИМОЛИЙ БАКТРИЯДАГИ ДИНИЙ ЎЪТИҚОДЛАР

АННОТАЦИЯ

Ушбу тадқиқот Кушонлар даврида Шимолий Бактрияда мавжуд бўлган диний анъаналар ва култларни, шунингдек, уларнинг минтақанинг маданий ва сиёсий тараққиётига таъсирини ўрганади. Хусусан, Кушон давлатининг олий худолари пантеони таҳлил қилинади, бироқ ушбу мавзуни ўрганиш мураккаб диний манзара билан боғлиқ бўлиб, бу даврда зардуштийлик, буддизм, ҳиндуизм, еллинистик ва маҳаллий ўътиқодларнинг ўзаро таъсири ва қўшилиб кетиши кузатилади.

Калит сўзлар: Шимолий Бактрия, Кушон давлати, диний ўътиқодлар, зардуштийлик, буддизм, ҳиндуизм, диний синтез, муқаддас санъат, археология, эпиграфика.

Nazarov Kh. A.

PhD., senior lecturer at the department of «Archeology and ethnology»
National University of Uzbekistan
humoyunjon1992@gmail.com

Odilova N. Z.

The 2nd-year student of historical faculty
National University of Uzbekistan
Nilufar_Odilova@gmail.com

RELIGIOUS BELIEFS IN NORTHERN BACTRIA DURING THE KUSHAN RULE

ABSTRACT

This study examines the religious traditions and cults that existed in Northern Bactria during the rule of the Kushan Kingdom, as well as their influence on the cultural and political development of the region. Particular attention is given to the pantheon of supreme deities of the Kushan state, the study of which is complicated by the complex religious landscape of the era, characterized by the coexistence and mutual influence of Zoroastrianism, Buddhism, Hinduism, Hellenistic cults, and indigenous beliefs.

Keywords: Northern Bactria, Kushan Kingdom, religious beliefs, Zoroastrianism, Buddhism, Hinduism, religious syncretism, sacred art, archaeology, epigraphy.